

ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903.59(470.22)

doi 10.17072/2219-3111-2022-1-5-14

Ссылка для цитирования: *Герман К. Э.* «Могильники с красной охрой» на территории Карелии: проблемы поиска и интерпретации // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 5–14.

«МОГИЛЬНИКИ С КРАСНОЙ ОХРОЙ» НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

К. Э. Герман

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр Российской академии наук, 185910, Россия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

germangermanik@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7025-4888

ResearcherID: AFT-2650-2022

Scopus Author: ID: 57211628260

Анализируются археологические объекты, интерпретируемые исследователями каменного века Карелии как «могильники с красной охрой». Специфика памятников заключается в практически полном отсутствии остатков человеческих скелетов из-за кислотности почвенных слоев, в которых не сохраняются органические материалы, а также расположение их на территории поселений периода каменного века. Поэтому погребения были выделены по следующим признакам: овально-вытянутая форма, небольшая глубина залегания (10–15 см), толщина слоя охристого песка составляет от 8–12 до 15–20 см, размеры варьируют от 0,9×0,4 до 2×0,55 м, ориентировка по странам света сильно различается; в слое части охристых пятен и линз присутствуют крупные окатанные гальки или валуны, рядом в единичных случаях зафиксированы небольшие кострища; в отдельных охристых пятнах и линзах отсутствует сопровождающий инвентарь, в других он разнороден: встречаются фрагменты неолитической керамики сперрингс или ямочно-гребенчатой, орудия и отходы из сланца, кремня, лидита и кварца, а также кальцинированные косточки животных; скелеты не сохранились, за исключением «могил с красной охрой» № 1, 27, 45 могильника Сандермоха (фрагменты двух берцовых костей и ребра) и стоянки Кладовец II (фрагмент фаланги пальца). Таким образом, объекты, интерпретируемые как «могильники с красной охрой», не могут быть признаны таковыми ввиду отсутствия их детальной фиксации в ходе раскопок, которая не позволяет восстановить структуру захоронения, отчленение «захоронений» от жилых площадок, и отсутствия повторного антропологического анализа фрагментов костей человека.

Ключевые слова: археология, Карелия, Финляндия, неолит, могильник Сандермоха, могилы с красной охрой, кальцинированные кости человека.

Введение

В настоящее время на территории Карелии в каменном веке известно только два памятника, достоверно являющихся погребальными (мезолитический Оленеостровский могильник на Южном Оленьем острове и энеолитический могильник Букольников I на острове Букольников), в которых были найдены остатки человеческих костяков и сопровождающий инвентарь [Гурина, 1956; Мельников, Герман, 2012]. Хорошую сохранность костных остатков в захоронениях обеспечила насыщенность окружающих почв, в Оленеостровском могильнике – известняками-доломитами, а в могильнике Букольников I – шунгитами. На остальной территории Карелии, а также в соседней Финляндии, распространены песчаные почвы, обладающие высокой кислотностью, что способствует полному разложению артефактов из органических материалов, таких как кость, дерево и ткани. Поэтому определить наличие одиночных погребений или могильников можно только по косвенным признакам, в первую очередь по форме и размерам окрашенного охрой пятна почвенного слоя, наличию каменных конструкций, а также артефактов, имеющих вотивный характер.

Впервые такие объекты были зафиксированы во время раскопок неолитических поселений каменного века Колмхаара (Kolmhaara), Аисти (Aisti) и Якярля (Jäkärälä) на территории Западной Финляндии и получили название «могил с красной охрой» (шв. gödockragravarna, фин. rupunamultahauta), которое закрепилось в финской археологической литературе [Edgren, 1966, p. 90–106; Пурхонен, 1984, с. 42; Rätty, 1995; Ahola, 2019, p. 20]. Красный цвет охры объясняется тем, что на территории Карелии и Финляндии охра (гематит) встречается в виде порошка и небольших комков, содержащих до 75 % окиси железа, что придает ей ярко-красный или даже малиновый оттенок [Nimrodsson, 1996, p. 5; Герман, 2002, с. 220; Витенкова, 2015, с. 434].

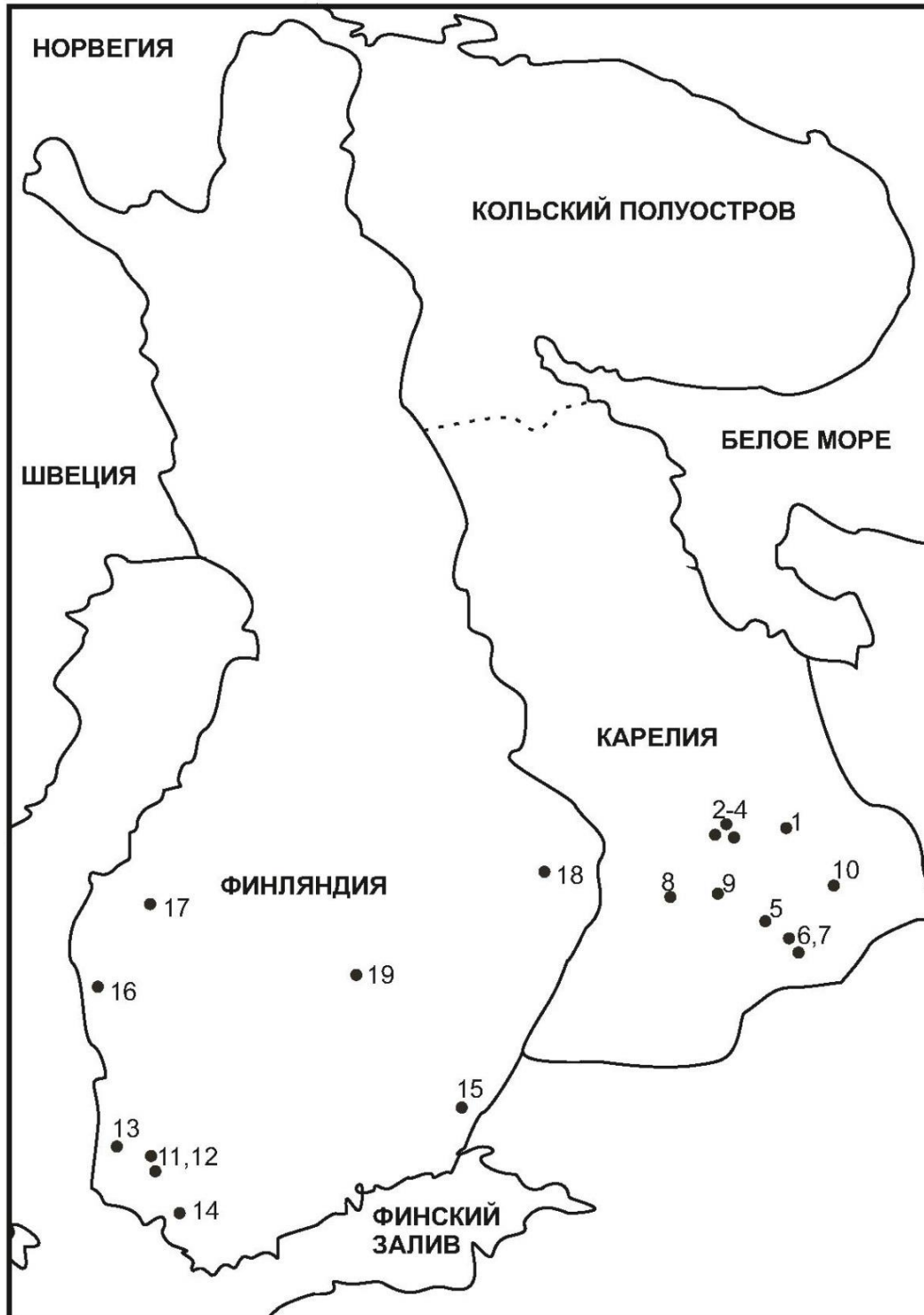

Рис. 1. Могилы и могильники с красной охрой на территории Карелии и Финляндии: 1 – Пидостров; 2 – Войнаволок XIII; 3 – Сандермоха; 4 – Кочнаволок; 5 – Уя; 6,7 – Шелтозеро I, III; 8 – Сямозерский I;

9 – Гарнизон Бесовец II; 10 – Кладовец; 11 – Колмхаара; 12 – Аисти; 13 – Якярля; 14 – Куккаркоски I; 15 – Ваатеранта; 16 – Лаппфьерд-Бьерносен; 17 – Перттуланмяки; 18 – Рахакангас I; 19 – Хартikka

В последующие годы было открыто и исследовано более 70 одиночных «могил и могильников с красной охрой» по всей территории Финляндии, кроме Лапландии, которые разделялись на безынвентарные и с находками–каменными артефактами и украшениями из янтаря и сланца [Ahola, Salo, Mannerman, 2016, p. 97; Ahola, 2019, p. 20]. В отдельных «могилах с красной охрой» были найдены каменные конструкции [Edgren, 1966, S. 90–106; Пурхонен, 1984, с. 41–43; Mökkönen, 2013, p. 13–36] и немногочисленные фрагменты кальцинированных костей человека, в том числе одна кремация [Räty, 1995, p. 163–165; Ahola, 2015, p. 30; Ahola, Salo, Mannerman, 2016, p. 95–122]. Форма и размеры ям, наличие каменных конструкций, фрагментов кальцинированных костей человека и янтарных и сланцевых украшений дали финским исследователям основание интерпретировать данные объекты как погребальные. Также фосфатный анализ погребения № 9 могильника Йонсас (Jönsas) и палеомагнитный анализ нераскопанной охристой линзы на могильнике Хартikka (Hartikka) подтвердили наличие в них костных остатков, вероятнее всего от человеческих индивидуумов [Nunez, 1975, p. 24,25; Пурхонен, 1984, с. 42; Kukkonen, Miettinen et al, 1997, p. 11; Miettinen, 1990, p. 39–47]. На территории Карелии, несмотря на большое количество исследованных при раскопках памятников периода неолита, не выделено объектов, которые достоверно можно отнести к «могилам с красной охрой» (рис. 1).

История исследований

Первым из карельских археологов, который обратил внимание на охристые пятна и линзы охристого песка, встречающиеся при раскопках поселений каменного века, был Г. А. Панкрушев. Начиная с 1955 г. им было открыто восемь памятников, определенных как неолитические «могильники»: Пидостров, Войнаволок XIII, Сандермоха, Кочнаволок, Уя, Шелтозерский I, III и Сямозерский I [Панкрушев, 1966; Панкрушев, 1978, с. 56–68]. В течение 20 лет на памятниках было вскрыто 880 м² и исследовано 129 охристых пятен и линз, которые исследователь интерпретировал как погребения. Наиболее полно был изучен «могильник» Сандермоха, где на площади 701 м² было исследовано 107 «могил с красной охрой», в трех из которых были найдены фрагменты кальцинированных человеческих костей (рис. 2). В процессе работ Г. А. Панкрушевым было сделано несколько выводов о характере памятника:

– охристые пятна и линзы занимают значительную территорию около 0,15 км² (150 тыс. м²) и располагаются узкой полосой (60–100 м) на древней береговой террасе Онежского озера высотой 10,4–15,2 м над современным уровнем водоема;

– большинство охристых пятен и линз имеет овально-вытянутую форму, залегает сразу под слоями дерна и подзола (5–12 см), толщина слоя охристого песка составляет от 8–12 до 15–20 см, размеры варьируют от 0,9×0,4 до 2×0,55 м, ориентировка по странам света сильно различается;

– в слое части охристых пятен и линз присутствуют крупные окатанные гальки или валуны, рядом в единичных случаях зафиксированы небольшие кострища;

– в отдельных охристых пятнах и линзах отсутствует сопровождающий инвентарь, в других встречаются фрагменты неолитической керамики сперрингс или ямочно-гребенчатой, орудия и отходы из сланца, кремня, лидита и кварца, а также кальцинированные косточки животных;

– костяки не сохранились, за исключением «могил с красной охрой» № 1, 27, 45, где найдены небольшие фрагменты кальцинированных человеческих костей – двух берцовых и ребра.

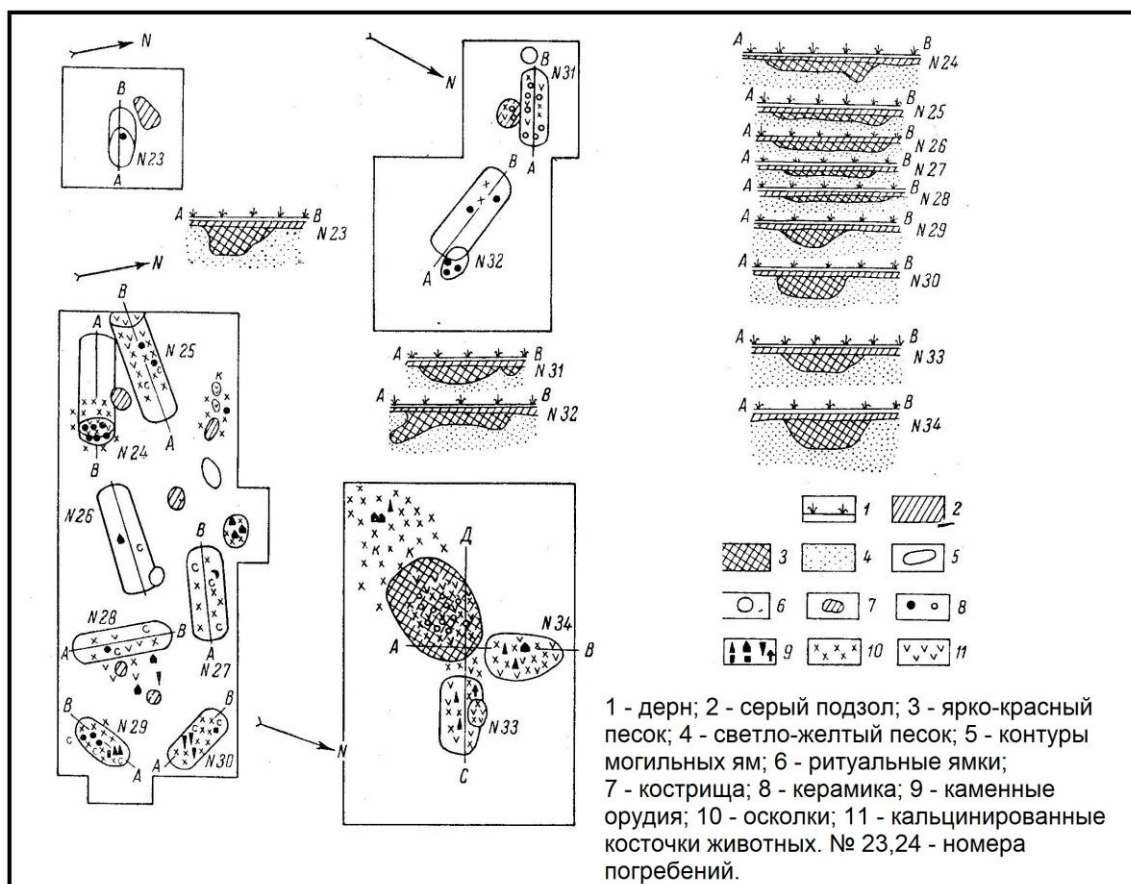

Рис. 2. Планы нескольких раскопов и стратиграфия погребений могильника Сандермоха [Панкрушев, 1978, рис. 1]

Позже в своей монографии сходные выводы о погребальном характере могильника Сандермоха сформулировал И. В. Мельников [Мельников, 1998, с. 14, 15].

В 1975 г. Ю. А. Савватеевым на восточном побережье Онежского озера на мысе Кладовец был открыт одноименный неолитический «могильник», относимый ко времени существования культуры ямочно-гребенчатой керамики. В ходе исследований Ю. А. Савватеева и Н. В. Лобановой было изучено 11 охристых пятен и линз и в одном заполнении ямы найдены кальцинированная фаланга человеческого пальца, фрагменты ямочно-гребенчатой посуды и отходы каменного производства, что позволило исследователям интерпретировать объект как могильник [Савватеев, Верещагин, 1978, с. 183, 206; Лобанова, 1996, с. 88–89].

Последнее «погребение», имеющее сходство с «могилами в красной охре», было выявлено в 2005 г. К. Э. Германом во время раскопок ранненеолитического поселения Гарнизон Бесовец II [Герман, 2007, с. 192].

После монографии Г. А. Панкрушева [Панкрушев, 1978], обобщающей материалы по мезолиту и неолиту Карелии, интерес исследователей к «могилам и могильникам с красной охрой» существенно снизился. Причинами этого послужили дальнейшие раскопки неолитических поселений, когда встреченные охристые пятна и линзы оказывались связаны с производственной деятельностью древнего населения [Песонен, 1988, с. 46; Витенкова, 2015, с. 434]. Так, на могильнике Уя в результате проведенных раскопок И. Ф. Витенковой (1978) и П. Э. Песонен (1990) общей площадью 340 м² не было выявлено объектов, которые можно было бы отнести к погребениям и был собран материал, аналогичный поселенческому [Панкрушев, 1978, с. 67–68; Песонен, 1988, с. 46; Витенкова, 1996, с. 69]. По мнению В. Ф. Филатовой, определение «мезолитических могильников с красной охрой» Сямозерский II, III и Черная Губа в качестве погребальных неверно, так как «...это периферийная часть территории, занятой группой небольших стоянок, существовавших в финале мезолита или в раннем неолите» [Филатова, 2004, с. 8; Филатова, 2012, с. 38, 95]. В статье и кандидатской диссертации К. Э. Германом бы-

ли проанализированы материалы памятников, определенных как неолитические могильники: Пидостров, Войнаволок XIII, Сандермоха, Кочнаволок, Шелтозерский I, III [Герман, 2000; Герман, 2001, с. 5–6].

На могильнике Пидостров Г. А. Панкрушевым был заложен лишь шурф площадью 2 м², в котором найдены три фрагмента керамики сперрингс [Панкрушев, 1978, с. 68; Герман, 2001, с. 5–6]. Остается неясным распространение культурного слоя за пределы шурфа, поэтому определение этого объекта как могильника некорректно.

Могильник Войнаволок XIII на основании имеющихся данных нельзя считать таковым [Панкрушев, 1978, с. 65–66; Герман, 2001, с. 5–6]. Во-первых, наличие в нем двух типов керамики – сперрингс и ямочно-гребенчатой – позволяет утверждать о наличии на этой территории неолитических поселений культуры сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики. Во-вторых, культурный слой памятника густо насыщен валунами, что, по признанию самого исследователя, «...не позволило с достаточной точностью проследить очертания могильных ям» [Панкрушев, 1978, с. 65] и установить принадлежность камней к тому или иному погребению.

Могильник Шелтозерский I большей частью совпадает с территорией поселения с чистым комплексом керамики сперрингс Шелтозеро VIII, поэтому логично предположить, что основная часть его инвентаря связана с этим памятником. Небольшое количество фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, вероятнее всего, могут быть связаны с комплексом этой посуды поселения Шелтозеро IV, которое примыкает к его северо-западной части. Размеры и форма самих ям с охристым песком совершенно не соответствует могильным, что заставило Г. А. Панкрушеву сделать ничем не аргументированное предположение о наличии «...сложного комплекса из трех погребений...» [Панкрушев, 1978, с. 66; Герман, 2001, с. 5–6].

Могильник Шелтозерский III практически полностью совпадает с границами поселения с чистым комплексом керамики сперрингс Шелтозеро XXVII, поэтому все находки из него могут относиться к этому памятнику, что также доказывает наличие культурного слоя между могилами [Панкрушев, 1978, с. 66–67; Герман, 2001, с. 5–6].

Могильник Кочнаволок, без сомнения, располагается на территории поселения культуры сперрингс, на что указывают, встречающиеся в верхней части могильных линз и между ними находки (Косменко, 1975, л. 26–28) [Панкрушев, 1978, с. 64–65; Герман, 2001, с. 5–6].

Анализируя расположение находок керамики, каменного инвентаря и отходов производства на территории могильника Сандермоха, видно, что большая их часть располагается за пределами погребений или в верхних слоях охристого песка, что может свидетельствовать о расположении здесь мезолитических и неолитических поселений. Примером может служить мезолитическое поселение Пиндуши VII, на территории которого располагаются погребения № 33, 34, 50 и 76, не содержащие фрагментов керамических сосудов [Панкрушев, 1978, с. 59; Герман, 2000, с. 173]. Также большинство охристых пятен и линз исследовались небольшими шурфами, что не позволило Г. А. Панкрушеву проследить наличие или отсутствие культурного слоя вокруг них.

Таким образом, по мнению исследователей, «...вопрос о могильниках культуры сперрингс остается открытым» [Витенкова, 1996, с. 69] и «...убедительных доказательств, что ямы с охристым песком являются погребениями, нет...» [Герман, 2000, с. 174]. Однако убедительного объяснения наличия в трех охристых заполнениях могильника Сандермоха фрагментов кальцинированных костей человека у исследователей нет [Герман, 2000, с. 173–174], а Н. В. Лобанова не сомневается в погребальном характере могильника Кладовец. Ее утверждение основывается на находке одного фрагмента фаланги пальца [Лобанова, 1996, с. 88–89].

Обсуждение результатов исследования «могильников с красной охрой» Карелии

Вопрос наличия погребальных памятников в каменном веке Карелии не подвергается сомнению, так как древнее население жило на этой территории постоянно, что предполагает наличие мест для кладбищ или одиночных захоронений. Проблема выявления древних захоронений заключается в первую очередь в методике раскопок памятников каменного века, которая в 1960–80-е гг. предполагала снятие культурного слоя условными горизонтами 15–20 см лопатой, отсутствие нивелировки находок, что не позволяло фиксировать мелкие фрагменты кальцинированных костей, а также четко определять расположение артефактов относительно охристого пятна или линзы. Это приводило к тому, что очень сложно, а чаще невозможно, рекон-

струировать внешний вид предполагаемых захоронений и обряд погребения. Сходная ситуация происходила в отношении выявления «могил в красной охре» во время раскопок поселений каменного века на территории Финляндии [Aholu, 2019, p. 21].

Поэтому в нашем распоряжении имеются только материалы четырех «погребений в красной охре», где найдены фрагменты кальцинированных человеческих костей – трех из могильника Сандермоха и одного из могильника Кладовец. Также есть возможность привлечь в качестве сравнения данные по исследованиям погребальных памятников (red ochre graves) с территории соседней Финляндии.

Рассмотрим подробно, что из себя представляют «погребения в красной охре» (могилы № 1, 27, 45) могильников Сандермоха и Кладовец.

Могила № 1 – пятно прямоугольной формы ярко-красного цвета размерами 1,7×0,6 м. Глубина 0,7–0,75 м от современной поверхности и 0,5 м от границы могильного пятна. По краю пятна в юго-западной части располагались семь валунов из кварцита и песчаника диаметром 20–30 см. В верхней части могильного пятна собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, отщепы кварца и кремня. В нижнем горизонте северо-восточной части могильной ямы в 5 см от ее дна найдены незначительные фрагменты берцовой кости человека [Панкрушев, 1966, с. 161–162; Панкрушев, 1978, с. 58, табл. 36].

Могила № 27 представляет собой пятно прямоугольной формы ярко-красного цвета размерами 1,5×0,55 м. Глубина 0,3–0,35 м от современной поверхности и 0,1 м от границы могильного пятна. Западнее пятна зафиксировано небольшое кострище. В верхней части могильного пятна собраны отщепы кварца и сланца. В нижнем горизонте западной части могильной ямы у ее дна найден небольшой фрагмент ребра человека (Панкрушев, 1964. Л. 34) [Панкрушев, 1978, с. 58, табл. 36].

Могила № 45 – пятно прямоугольной формы ярко-красного цвета размерами 1,9×0,85 м. Глубина 0,75 м от современной поверхности и 0,6 м от границы могильного пятна. Поверх пятна зафиксированы 8 валунов размерами валунов из кварцита и песчаника диаметром 20–30 см и с юго-восточной стороны – небольшое кострище. В верхней части пятна собраны отщепы кварца и сланца. В придонной северо-восточной части ямы найдены незначительные фрагменты берцовой кости человека (Панкрушев, 1964, л.44–45) [Панкрушев, 1978, с. 58, табл. 36].

Могильник Кладовец ранее являлся частью поселения Кладовец V и был открыт в 1975 г. Ю. А. Савватеевым (Савватеев, 1975, л. 66–68), затем исследовался в 1985 г. Н. В. Лобановой (Лобанова, 1985, л. 17–22). Всего на памятнике было раскопано 11 охристых линз, размерами от 1,8×0,5 до 2,6×1,2 м, мощностью от 0,17 до 0,5 м, залегающих на глубине 0,5–1,2 м от дневной поверхности и ориентированных в направлении запад–восток. В заполнении некоторых охристых линз и около них найдены сланцевые орудия и их обломки, осколки и отщепы кварца, фрагменты ямочной керамики поздненеолитического времени, которые, по мнению Н. В. Лобановой, «...видимо, попали с соседних неолитических стоянок».

Как отмечает исследовательница, погребальный характер могильника Кладовец подтверждается споро-пыльцевым анализом почвы, показавшим преобладание бузины, которая предпочитает расти на кладбищах [Девятова, 1986, с. 17; Лобанова, 1996, с. 88]. Однако фрагмент кальцинированной фаланги пальца (определение антрополога Н. К. Верещагина) был найден при раскопках 1973 г. Ю. А. Савватеева стоянки Кладовец II, которую отделяет от границ могильника Кладовец территория поселения Кладовец IX [Савватеев, Верещагин, 1978, с.185, 205, 206]. При анализе места находки на плане раскопа стоянки Кладовец II было установлено, что она происходит с кв. Г-13, в котором, начиная со 2-го горизонта, фиксируется малиновое с серым оттенком пятно со скоплением камней (остатки кладки?) и кальцинированными косточками в заполнении (Савватеев, 1973, л. 23–25).

Таким образом, возможные погребения могильника Сандермоха имеют ряд общих черт: форма и размеры охристых пятен, наличие в двух могилах каменных выкладок и фрагментов человеческого скелета в придонной части могилы, отсутствие в самом погребении находок. Скопления камней, окраска песка охрой и находка фрагмента фаланги пальца на стоянке Кладовец II могут указывать на присутствие здесь одиночного погребения. К сожалению, фрагменты костей с могильника Сандермоха и стоянки Кладовец II не сохранились, чтобы можно было провести по ним дополнительные исследования.

Далее кратко рассмотрим «могилы с красной охрой», в том числе с фрагментами человеческих костей на территории соседней Финляндии. Большинство погребений с красной охрой на территории Финляндии (74 или 67 %) относится к развитому неолиту, датируется временем существования типичной гребенчатой керамики стиля Ка II [Ahola, 2017, p. 202]. Форма погребений прямоугольная или овальная, размеры составляют около двух метров в длину и около одного метра в ширину, глубина до 0,7 м [Ahola, 2019, p. 45].

Как правило, в заполнении ям встречаются небольшие гальки, но также характерны каменные конструкции, как четко выраженные в виде каменных ящиков юго-западной Финляндии и Аландских островов в поселениях позднего неолита группы Якярля (Jäkärälä-gruppen), так и в виде сложений из галек и валунов, распространенных на поселениях по всей территории Финляндии [Edgren, 1966, S. 90–106; Mökkönen, 2013, p. 19]. В отдельных могилах встречается большое количество янтарных украшений, а также сланцевые кольца, что служит подтверждением погребального характера памятников, хотя в большинстве могил находки представлены отходами каменного производства – отщепами кремня, сланца и кварца, а также фрагментами гребенчатой керамики стиля Ка II. Часть погребений находок не имеет, что дало основание предположить, что часть каменных артефактов и фрагментов керамики могла попасть в могильные ямы с культурного слоя поселения [Ahola, 2017, p. 207; Костылева, Уткин, 2006, с. 384]. Так, в могильнике Куккаркоски 1 (Kukkarkoski 1) две части одной кремневой пластины оказались в погребениях № 1 и 10, что может свидетельствовать о перемешанности культурных слоев [Ahola, 2015, p. 35; Ahola, 2017, p. 207]. Неолитических погребений с человеческими костями известно всего 28, из которых большую часть представляют могилы из трех поселений Колмхаара (Kolmhaara) – 7 и Ваатеранта (Vaateranta) – 10. Из них в 23 найдены фрагменты зубов, в одном – фрагмент черепа, в остальных – фрагменты костей скелета [Ahola, Salo, Mannermaa, 2016, p. 102–103]. Уникальной является кремация на поселении Ваатеранта (Vaateranta) [Räty, 1995, p. 165].

В 2015 г. финскими антропологами К. Маннермаа и К. Сало были изучены 825 сохранившихся костных фрагментов с погребений, из которых 577 фрагментов были негоревшими, чрезвычайно хрупкими и состояли из мелких фрагментов зубной эмали. Были идентифицированы костные остатки человека из восьми стоянок: Аисти (Aisti), Хартикка (Hartikka), Колмхаара (Kolmhaara), Куккаркоски 1 (Kukkarkoski 1), Лаппфьерд-Бьерносен (Lappfjärd-Björnåsen), Перттунанмяки (Perttulanmäki), Рахакангас 1 (Rahakangas 1) и Ваатеранта (Vaateranta). К сожалению, часть костей относилась к животным, часть сохранилась настолько плохо, что их невозможно было определить, а часть была потеряна. В результате исследований были определены костные остатки как минимум 10 индивидов, из которых у пяти удалось установить возраст. Четверо из умерших были подростками, одному из них было около 10 лет, и лишь один индивид скончался в зрелом возрасте. Все погребения являлись одиночными, кроме могилы XXIII могильника Колмхаара (Kolmhaara), в которой были найдены фрагменты костей подростка и взрослого [Ahola, Salo, Mannermaa, 2016, p. 109–111].

Заключение

В результате рассмотрения материалов «могил с красной охрой» на территории Карелии можно сделать следующие выводы:

1. «Могильники и могилы с красной охрой», кроме тех, где были найдены фрагменты костей человека, нельзя интерпретировать как погребальные ввиду отсутствия их детальной фиксации в ходе раскопок, которая не позволяет восстановить структуру захоронения.

2. Невозможно установить принадлежность каменных артефактов и фрагментов керамики к захоронениям, тем более что отсутствуют янтарные и сланцевые украшения, кремневые наконечники стрел, что служит подтверждением погребального характера памятников на территории Финляндии.

3. Кости человека представлены кальцинированными фрагментами берцовых костей, реберной кости и фаланги пальца. Их определение проводилось в 1970-е гг., и повторных анализов не было, так как находки были утрачены.

В Финляндии в ходе исследований костей из погребений выяснилось, что часть из них принадлежит животным, а часть не может быть идентифицирована. Также большинство костей необожженные и относятся к зубной эмали, которая дольше всего сохраняется в кислых почвах

Финляндии. Поэтому в настоящее время нельзя с уверенностью утверждать, что кости из могил № 1, 27, 45 и охристого пятна с поселения Кладовец II являются человеческими.

Таким образом, не ставя под сомнение наличие погребальных памятников в неолите на территории Карелии, необходимо продолжить их поиски и исследования, используя новейшие естественнонаучные методы.

Примечания

¹ Исследование осуществлено за счет средств федерального бюджета, выделенных на выполнение государственного задания КарНЦ РАН, тема № АААА-А20-120011690077-8 «Комплексные исследования археологического наследия Карелии и соседних территорий (мезолит – Средневековье)».

Список источников

Косменко М.Г. Отчет о работе Медвежьегорского отряда Карельской археологической экспедиции и Костомукшской комплексной экспедиции в 1975 году // Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 50. Ед. хр. 135. 142 л.

Лобанова Н.В. Отчет о полевых работах Восточно-Онежского отряда Карельской археологической экспедиции в 1985 году // Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 50. Ед. хр. 951. 74 л.

Панкрушев Г.А. Отчет о работе Онежской археологической экспедиции в Карелии в 1964 году // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 140. 88 л.

Савватеев Ю.А. Отчет о работе Онежского отряда Карельской археологической экспедиции за 1973 год // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 303. 132 л.

Савватеев Ю.А. Отчет о работе Онежско-Беломорского отряда Карельской археологической экспедиции за 1975 год // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 387. 84 л.

Библиографический список

Витенкова И.Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии / Карел. НЦ РАН. Петрозаводск, 1996. С. 65–81.

Витенкова И.Ф. Цвет жизни – красный: использование минеральных красок древним населением Карелии // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Т. 1, вып. 10. С. 434–440.

Герман К.Э. Могильник Сандермоха (новые аспекты исследования) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 170–174.

Герман К.Э. Могилы с красной охрой на территории Дании, Швеции, Финляндии (краткая характеристика) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. № 7. С. 220–225.

Герман К.Э. Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 19 с.

Герман К.Э. Раскопки поселения Гарнизон Бесовец в Прионежском районе Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. № 11. С. 190–205.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // Матер. и исслед. по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 47. 431 с.

Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986. 108 с.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Хронология и планировочная структура неолитического могильника Куккаркоски // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Т. 1, вып. 6. С. 384–392.

Лобанова Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 81–104.

Мельников И.В. Святилища древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск, 1998. 133 с.

Мельников И.В., Герман К.Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 409 с.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии: неолит. Л.: Наука, 1978. 164 с.

Панкрушев Г.А. Неолитический могильник Сандермоха // Советская археология. 1966. № 4. С. 160–168.

- Песонен П.Э. Поселения культуры сперрингс // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 40–49.
- Пурхонен П. Группа могильников с красной охрой. Общие черты в формах могильников Финляндии и Восточной Карелии // Новое в археологии СССР и Финляндии: доклады Третьего российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, Ленинград, 11–15 мая 1981 г. Л.: Наука, 1984. С. 41–46.
- Савватеев Ю.А., Верещагин Н.К. Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 181–215.
- Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера / Карел. НЦ РАН. Петрозаводск, 2004. 274 с.
- Филатова В.Ф. Мезолитические памятники Карелии: каталог / Карел. НЦ РАН. Петрозаводск, 2012. 184 с.
- Ahola M. Death in the Stone Age Making Sense of Mesolithic–Neolithic Mortuary Remains from Finland in the Stone Age (ca. 6800 to 2300 cal BC): academic dissertation / Department of Cultures University of Helsinki, Finland. Helsinki, 2019. 104 p.
- Ahola M. Tracing Neolithic Funerary Practices from Finnish Ochre Graves – a Case Study from Kukarkoski Comb Ware Burial Ground // Thanatos. 2015. Vol. 42. P. 23–41.
- Ahola M. The Material Culture of Finnish Stone Age Hunter-Gatherer Burials // Fornvännen. 2017. No. (112):4. S. 201–215.
- Ahola M., Salo K., Mannermaa K. Almost Gone: Human Skeletal Material from Finnish Stone Age Earth Graves // Fennoscandia Archaeologica. 2016. Vol. XXXIII. P. 95–122.
- Edgren T. Jakarla-gruppen. En vastfinsk kulturgrupp under yngre stenalder // SMYA. 1966. Bd. 64. 213 p.
- Kukkonen I.T., Miettinen M., Ulkunen A., Mattsson A. Magnetic Prospecting of Stone Age Red Ochre Graves with a Case Study from Laukaa, Central Finland // Fennoscandia Archaeologica. 1997. Vol. XIV. P. 3–12.
- Miettinen M. A Red-ochra Grave of the Comb Ware Period from Hartikka in Laukaa // Iskos. 1990. No. 9. P. 39–47.
- Mökkönen T. Stone Setting Filled with Red Ochre from the Keelajarju Site, Northernmost Baltic Sea Region: A Stone Age Grave in the Context of North European Burial Traditions // Fennoscandia Archaeologica. 2013. Vol. XXX. P. 13–36.
- Nimrodsson L. De gåtfulla rödockragravarna. Akademisk avhandling, Umeå Universitet, Sverige, Umeå, 1996. 78 p.
- Nunez M. Phosphorous determination of the graves of Kilteri in Vantaa, Southern Finland // SM. 1975. No. 82. P. 18–25.
- Räty J. The Red Ochre Graves of Vaateranta in Taipalsaari // Fennoscandia Archaeologica. 1995. Vol. XII. P. 161–172.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.03.2021

BURIAL GROUNDS WITH RED OCHRE ON THE TERRITORIES OF KARELIA: PROBLEMS OF RESEARCH AND INTERPRETATION

K. E. German

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya str., 11, 185910, Petrozavodsk, Russia
germangermanik@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7025-4888
ResearcherID: AFT-2650-2022
Scopus Author: ID: 57211628260

In the 1960s – 1980s, the Stone Age objects called “red ochregraves” were studied on the territory of Karelia. The peculiarity of these monuments was the almost complete absence of bones due to the high acidity of the soil. Only fragments of two shin bones and a rib bone in burials No. 1, 27, 45 of the Sandermokha cemetery and a fragment of a finger phalanx from the Kladovets II parking lot have been preserved. The burials were distinguished by

the following features: oval-elongated shape, a small depth of occurrence (10–15 cm), the thickness of the layer of ochre sand is from 8–12 cm to 15–20 cm, the size varies from 0.9×0.4 m to 2×0.55 m, orientation in the countries of the world varies greatly; in the layer of the part of the ochre spots and lenses, there are large rolled pebbles or boulders; in some ochre spots and lenses, there is no accompanying inventory, in others it is heterogeneous (there are fragments of Neolithic sperrings or pit-comb pottery, tools and waste from slate, flint, lydite and quartz, as well as calcined animal bones). On the territory of neighboring Finland, about 70 Neolithic and Mesolithic graves in red ochre are known. In 28 of them, fragments of human bones and accompanying equipment were found – amber and slate jewelry, flint arrowheads, which confirms the funerary nature of the monuments. Thus, at present, there is no reason to consider «red ochre graves» as funerary monuments.

Key words: archaeology, Karelia, Finland, Neolithic, Sandermokha cemetery, red ochre graves, calcined human bones.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the State Assignment of the Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, topic № AAAA-A20-120011690077-8 “Comprehensive research of the archaeological heritage of Karelia and neighboring territories (Mesolithic – Middle Ages)”.

References

- Devyatova, E. I. (1986), *Prirodnaya sreda i ee izmeneniya v golotsene poberezhe severa i tsentra Onezhskogo ozera* [The natural environment and its changes in the Holocene (the coast of the north and center of Lake Onega)], n.p., Petrozavodsk, USSR, 108 p.
- Filatova, V. F. (2004), *Mezolit basseyna Onezhskogo ozera* [Lake Onega Basin Mesolithic], n.p., Petrozavodsk, Russia, 274 p.
- Filatova, V. F. (2012), *Mezoliticheskie pamyatniki Karelii: katalog* [Mesolithic monuments of Karelia: catalog], n.p., Petrozavodsk, Russia, 184 p.
- German, K. E. (2001), “Sandermokha cemetery (new aspects of the study)”, in *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver Archaeological Collection], issue 4, n.p., Tver, Russia, pp. 170–174.
- German, K. E. (2001), *Pamyatniki s keramikoymi sperrings v basseyne Onezhskogo ozera* [Monuments with ceramics sperrings in the basin of Lake Onega], Extended abstract of PhD dissertation, Institute of the History of Material Culture of the Russian academy, St. Petersburg, Russia, 19 p.
- German, K. E. (2002), “Graves with red ochre on the territory of Denmark, Sweden, Finland (brief description)”, in *Kizhskiy vestnik* [Kizhi Review], № 7, n.p., Petrozavodsk, Russia, pp. 220–225.
- German, K. E. (2007), “Excavations of the Besovets Garrison settlement in the Prionezhsky district of Karelia”, in *Kizhskiy vestnik* [Kizhi Review], № 11, n.p., Petrozavodsk, Russia, pp. 190–205.
- Gurina, N. N. (1956), “Oleneostrovsky cemetery”, in *Materialy i issledovaniya po areologii SSSR* [Materials and researches on archaeology of the USSR], № 47, n.p., Moscow, USSR, 431 p.
- Kostyleva, E. L. & A. V. Utkin (2006), “Chronology and planning structure of the Kukarkoski Neolithic cemetery”, in *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver Archaeological Collection], vol. 1, issue 6, n.p., Tver, Russia, pp. 384–392.
- Lobanova, N. V. (1996), “Culture of pit-comb ceramics”, in Kosmenko, M. G. & S.I. Kochkurkina (eds.), *Arkheologiya Karelii* [Archaeology of Karelia], w.p., Petrozavodsk, Russia, pp. 81–104.
- Melnikov, I. V. & K. E. German (2013), *Drevnie poseleniya yuzhnogo Zaonezh'ya (mezolit – eneolit)* [Ancient settlements of southern Zaonezhye (Mesolithic - Eneolithic)], w.p., Petrozavodsk, Russia, 409 p.
- Melnikov, I. V. (1998), *Svyatilishcha drevney Karelii (paleoetnograficheskie ocherki o kul'tovyykh pamyatnikakh)* [Sanctuaries of ancient Karelia (paleoethnographic essay on religious monuments)], n.p., Petrozavodsk, Russia, 133 p.
- Pankrushev, G. A. (1966), “Neolithic cemetery Sandermokha”, *Sovetskaya arkheologiya*, № 4, pp. 160–168.
- Pankrushev, G. A. (1978), *Mezolit i neolit Karelii: neolit* [Mesolithic and Neolithic of Karelia: Neolithic], Nauka, Leningrad, USSR, 164 p.
- Pesonen P. E. (1988), “Settlements of sperrings culture”, in *Poseleniya drevney Karelii* [Settlements of ancient Karelia], n.p., Petrozavodsk, Russia, pp. 40–49.
- Purhonen P. (1984), “A group of burial grounds with red ochre. General features in the forms of burial grounds in Finland and Eastern Karelia”, in *Novoe v arheologii SSSR i Finlyandii: Doklady tretyego rossiysko-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arheologii 11-15 maya 1981 goda* [New in archeology of the USSR and Finland: Reports of the third Russian-Finnish symposium on archeology on May 11-15, 1981], Nauka, St. Petersburg, Russia, pp. 41–46.
- Savvateev, Yu. A. & N. K. Vereshchagin (1978), “Hunting and commercial animals and stone tools of the population of Karelia and the southern part of the Kola Peninsula of the Neolithic and Early Metal age”, in *Mezoliticheskie stoyanki Karelii* [Mesolithic sites of Karelia], n.p., Petrozavodsk, Russia, pp. 181–215.
- Vitenkova, I. F. (1996), “Culture of sperrings”, in Kosmenko, M. G. & S.I. Kochkurkina (eds.), *Arkheologiya Karelii* [Archaeology of Karelia], n.p., Petrozavodsk, Russia, pp. 65–81.
- Vitenkova, I. F. (2015), “The Color of Life-Red: the use of mineral paints by the ancient population of Karelia”, in *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver Archaeological Collection], vol. 4, issue 10, n.p., Tver, Russia, pp. 434–440.